

УДК 316.74:378.03

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Усик Елена Юрьевна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социологии Харьковского гуманитарного университета "Народная украинская академия"

У статті розкрито наукові, в тому числі соціологічні інтерпретації категорії "соціальна мережа", досліджено соціальну природу відповідного феномену. Запропоновано авторське визначення поняття "соціальна мережа". На основі типології форм соціальної інтеграції розкрито суть соціальних зв'язків у мережі. Соціальну мережу представлено як результат самоорганізації соціальної системи, як особливу форму соціальної інтеграції.

Ключові слова: соціальна мережа, мережева структура, соціальна інтеграція, соціальна диференціація, соціальний актор, соціальний капітал.

В статье раскрыто научные, в том числе социологические интерпретации категории "социальная сеть", исследована социальная природа соответствующего феномена. Предложено авторское определение понятия "социальная сеть". На основе типологии форм социальной интеграции выявлена сущность социальных связей в сети. Социальная сеть представлена как результат самоорганизации социальной системы, как особая форма социальной интеграции.

Ключевые слова: социальная сеть, сетевая структура, социальная интеграция, социальная дифференциация, социальный актор, социальный капитал.

In the article the sociological sense of basic categories of network analysis "social network" is disclosed. Author definition of social network is offered. On the basis of social integration forms essence and nature of social connections is exposed in a network. A social network is represented as a result of self-organization of society frame, as the special form of social integration.

Keywords: social network, network structure, social integration, social differentiation, social actor, social capital.

В современной научной литературе все чаще можно встретить понятие "социальная сеть". И если в обыденном сознании с этим понятием, как правило, связывают так называемые виртуальные сообщества, возникающие в сети Интернет, то научные интерпретации предлагают более широкое его понимание. Современные исследователи под сетевизацией подразумевают глобализацию общемировых процессов. Вместе с тем сам термин "социальная сеть", несмотря на широкое распространение сетевого анализа в западной науке и все возрастающий интерес к нему в России и Украине, до сих пор не получил однозначного толкования. Во многом это объясняется эмпирическим характером сетевых исследований – сетевой метод воспринимают в основном как инструмент для эмпирической обработки и описания данных [1]. Разнообразие научных источников сетевого анализа и методик его применения не способствовало выработке соответствующей методологии. Очертания исследуемого феномена (социальной сети), таким образом, видятся не вполне четко, а предмет (сущность, социальная природа сетевых взаимодействий) трактуется произвольно в каждом конкретном случае эмпирических исследований.

Применение методик сетевого анализа в рамках социологических исследований требует, на наш взгляд, уточнения основных понятий и определения их места в категориальном аппарате современной социологии. Выявление социальной природы сетевых структур, их специфики позволит определить социальные механизмы возникновения и развития социальных сетей в современном обществе во взаимосвязи с другими социальными процессами и явлениями, что существенно расширит объяснительный потенциал сетевого анализа.

Концепция социальных сетей сформировалась в западных исследованиях в конце 70-х годов XX века. Огромное влияние на ее развитие оказали динамическая, или революционная, социометрия (Я.Л. Морено, Г. Инфилд и Э. Дженнингс); диагностическая социометрия (Дж. Крисвелл, Г. Лундберг, М.Нортуэй, М. Бонни, Э. Богардус и др.); математическая социометрия (П.Лазарсфельд, С. Додд, Л. Кац, Дж. Стюарт). Алекс Бейвлас и Харольд Левитт изучали влияние различных типов сетевых структур на взаимодействие в группах. Фриц Хейдер – основатель гештальт-психологии анализировал некоторые начальные понятия теории "баланса" и "равновесия" в познавательных ощущениях. Ф. Хейдер и Т. Ньюкомб стимулировали дальнейшие использование математики для осмысления связей в межличностных сетях.

Пионерами современного сетевого анализа стали антропологи, которые пытались зафиксировать

"структуры" традиционных обществ. А.Р. Радклифф-Браун разрабатывал методы анализа родственных связей, при этом выделяя одну главную линию влияния в социальной структуре, структурные образцы ее взаимодействия (или patterns). Известные антропологи Дж.К. Митчелл и Дж.А.Барнес применили специфичную технику для концептуализации сетевых свойств.

Понятийный аппарат и техника сетевого анализ обогатились благодаря новым теоретическим концепциям как в социологии, так и в экономике: теории социального капитала (Дж. Коулмен, П. Бурдьё, Р. Пэтнам), человеческого капитала (Г. Беккер), теории обмена (Дж. Хоманс). Но наибольшую роль в понимании необходимости дискретизации структур сыграла активистская (деятельностная) парадигма, наиболее известными представителями которой являются П. Штомпка, М. Арчер, А. Гидденс, А. Турен и др. Наравне с другими вопросами в их работах подробно исследуются трансформации структур, нестабильность социальных институтов, их поведение в переходной ситуации. В отличие от активистской парадигмы, посвященной в основном "актору", Ю.Хабермас основное внимание уделяет связям актора, их сущности и роли во включении актора в окружающий мир. Основой всякого взаимодействия он считает коммуникацию, а предтечей всякого действия для него является полученная (или нет) информация.

В настоящее время такие социологи, как Б. Веллман, С. Вассерман, Д. Ноук, Л. Фриман разрабатывают методологию сетевого анализа, проводят прикладные сетевые исследования. Одной из первых фундаментальных попыток теоретического осмысления в сетевых терминах трансформаций в глобальном сообществе и в России как части этого сообщества можно назвать работу Микаэля Кастельса "Информационная эпоха: экономика, общество и культура". Среди российских социологов следует отметить работы Г.В. Градосельской, А.Н. Чуракова, посвященные изучению сетевых методик; В.М. Алексеева, Е.С. Алексеевской, Р.Н. Абрамова и др., в которых исследуются проблемы формирования сетевых структур в информационном обществе. Среди украинских социологов можно отметить работы О.Б. Демкива, посвященные теоретическим исследованиям социального капитала как сетевого феномена.

Следует отметить, что различные сетевые концепции, к сожалению, не уточняют понятие "социальная сеть", не раскрывают социально-исторические причины возникновения сетевых структур в обществе, не дают четкого представления о том, когда возникают социальные сети, существовали ли они всегда, или это исключительно феномен информационного общества.

Цель данной статьи – на основе анализа дефинитивного ряда категории "социальная сеть" определить ее социологическое значение, выявить социальную природу соответствующего феномена.

Анализ литературы позволяет выделить три основных подхода к определению понятия "социальная сеть". Его понимают как социальное явление (установление социальных связей между людьми), как универсальный инструмент социологического анализа, основанный на теории графов, и, наконец, как интернет-услуга или интернет-сервис по построению социальной сети во Всемирной паутине для получения социального капитала [2].

В контексте выделенной проблемы нас прежде всего интересует первое значение. Более полную дефиницию понятия "социальная сеть" дает А.М. Чураков, определяя его как совокупность социальных акторов, группу людей (или организаций, или других социальных единиц) и набор связей между ними. При этом следует заметить, что в качестве акторов в эмпирических исследованиях чаще всего выступают индивиды, поскольку эмпирическая операционализация сетевых взаимодействий между коллективными акторами сталкивается с определенными трудностями. Под связями понимаются не только коммуникационные взаимодействия между акторами, но и связи по обмену различными ресурсами и деятельностью, включая конфликтные отношения [3, с. 109].

В исследованиях А. Бейвласа под сетью понимается совокупность позиций, а не индивидов, а результирующая модель отношений между позициями представлена как тип структуры. Важным достижением сетевой теории стало также представление о связях между позициями сети как потоках ресурсов. При этом в одну социальную сеть могут входить социальные акторы различных типов, связанные взаимодействиями разного рода и различной степени интенсивности [4, с. 10].

Однако такие определения, на наш взгляд, не позволяют зафиксировать существенных отличий сетевых структур от любых других. Большое значение, как мы полагаем, имеет представление о сети как о противовесе официальным взаимодействиям любого уровня. В рамках этого подхода "сети" определяются как особая, "горизонтальная" организация структуры, отличная от иерархической. Этот подход характерен для западных исследований организационных структур. Чем больше в организации вертикальных связей, тем более иерархической и формализованной она является. Чем больше горизонтальных связей, тем более гибкой и адаптивной будет организация. Современные западные исследования экономически успешных акторов показывают, что иерархия все более проигрывает сетевой организации [1]. И в то же время некоторые авторы сетевыми называют как горизонтальные, так и вертикальные (иерархические) структуры [5].

Важной для уточнения понятия сети является также содержательная характеристика связей между

социальными акторами. Так, Н. Динелло социальные сети ассоциирует с сетями гражданского действия, на которых базируется гражданское общество. Она выделяет следующие характеристики сетевых связей: интеграция личных интересов с интересами общества; горизонтальные связи взаимности и кооперации (вместо иерархической власти и зависимости) на основании равных прав и обязанности для всех граждан; солидарность, доверие и терпимость; ассоциации граждан, которые представляют собой своеобразную школу сотрудничества. В отличие от вертикальных сетей с их четким разграничением начальника и подчиненного, лидера и рядового гражданина, горизонтальные сети представляют собой объединения агентов одинакового статуса, мощи и влияния, располагающих заделом социального капитала, создающие условия для регулярных контактов, установления доверия, взаимовыгодной дискуссии и взаимного влияния. Личное доверие между хорошо знакомыми друг другу людьми может служить естественным фундаментом таких сетей. Связывая изолированные группы, сети гражданского действия повышают санкции за недобросовестные сделки, благоприятствуют укреплению норм взаимности, облегчают обмен информацией и улучшают ее качество, уменьшают неопределенность и риск, а также создают модели будущего сотрудничества [5].

В переходных социальных структурах, где институциональные формы обмена и доверия разрушены либо не сформировались, обращение социального капитала осуществляется в обход нормативных систем, а иногда вопреки им, порождая "теневые" формы солидарностей. Таким образом, социальные сети компенсируют нормативный вакуум и способствуют формированию стабилизационных регуляторов в социальных системах [4, с. 3].

Достаточно плодотворной представляется попытка объяснить механизм возникновения сетевых структур, исследуя формы социальной интеграции в обществах разного типа. Взяв за основу предположение, что социальные сети возникают в том или ином виде на любой стадии развития общества, Е.С. Алексеенкова рассматривает три типа взаимодействия социальных сетей (как формы горизонтальной интеграции) и государственных институтов.

Первый тип характеризует формирование сетевых структур в период, предшествующий образованию ранних государств. Второй тип связан с распадом институционального дизайна и прежних социальных структур общества в периоды относительно быстрых социально-политических трансформаций, ведущих к стихийному формированию различного типа социальных сетей или актуализации сетей уже существующих (возможно, в новом качестве), по которым начинают транслироваться выработанные в ходе внутрисетевого взаимодействия неформальные практики, замещающие разрушенные институты. Третий тип – это параллельное существование государственного институционального дизайна и сетевых структур. Наиболее яркими примерами здесь являются организованная преступность, коррупционные и устойчивые лоббистские сети, огромное количество сетей влияния и доверия, начиная с сетей повседневности, этнических и религиозных сетей и заканчивая сетями в сфере бизнеса и власти [6, с. 92]. Заслуга автора нам видится в том, что она определяет различные основания для возникновения и развития социальных сетей в разных типах общества, применяя методологию анализа когнитивных механизмов интеграции, выступающих в роли связей внутри социальной сети.

Основным предположением Е.С. Алексеенковой является то, что сила связей внутри сетей (глубина интеграции) напрямую зависит от глубины слоя сознания, которым эта сеть интегрирована. Слабый тип интеграции соответствует наиболее позднему рационалистическому наслоению. Наиболее же глубокая интеграция – интеграция этнологическая. Следовательно, в условиях политических трансформаций и катаклизмов, когда разрушается операциональная институциональная интеграция, представленная рационалистически устроенными формальными практиками, на поверхность всплывают более архаичные способы социальной интеграции – этнологическая и образная, равно как и наиболее архаичные типы власти – этнологическая и "магическая" (власть над ментальными структурами) [6, с. 96].

Здесь необходимо заметить, что Д. Грановеттер подчеркивает гораздо большее значение слабых связей внутри социальных сетей по сравнению с сильными [7]. Он объясняет это тем, что через слабые связи информация "просачивается" быстрее. Это происходит, по его мнению, из-за того, что слабые связи "важнее для отдельных пользователей при их "влинии" и взаимодействии в сообществе, тогда как в результате сильных связей образуется тесная локальная группа. Д. Грановеттер показал, что люди чаще находят работу благодаря своим слабым связям, а не сильным. Слабые связи — это связи с людьми, которых мы почти не знаем, с которыми не делимся своим переживаниями и не поддерживаем отношения; но они оказываются полезнее всего. Это происходит из-за того, что люди с сильными связями делятся, в основном, одними и теми же данными или ресурсами, тем самым они менее полезны друг другу.

И все же современные исследователи, на наш взгляд, достаточно поверхностно раскрывают механизмы возникновения социальных сетей, их социальную природу, анализируя в первую очередь информационно-технологические факторы. Более глубоко исследовать природу феномена социальных сетей мы попытались, опираясь на труды классиков социологии, в частности работу Э. Дюркгейма "О разделении

общественного труда", поскольку его идея о "социальной морфологии" также является предшественницей сетевого анализа [1]. Как известно, Э. Дюркгейм выделял две формы солидарности, соответствующие двум противоположным формам общественной организации. Механическая солидарность – это солидарность вследствие сходства коллективных чувств и ценностей, характеризующаяся *взаимозаменяемостью* индивидов. Органическая солидарность является следствием социальной дифференциации, когда взаимозависимость индивидов определяется не коллективным сознанием, а их разнородностью, функциональной *взаимодополняемостью*. Э. Дюркгейм связывал механическую солидарность с сегментарным обществом, представленным локализованными группами, относительно изолированными от других и отличающимися особым жизненным укладом. В рамках этих групп индивиды тесно связаны друг с другом и слабо с внешней средой, т.е. сегмент представляется как самодостаточная система или подсистема общества [8, с. 316-317].

Социальная дифференциация (разделение труда) как основа органической солидарности, в свою очередь, объясняется Э. Дюркгеймом через соотношение двух переменных – объема общества и его материальной и моральной плотности. Объем общества – это абсолютное число индивидов, увеличение которого еще не предполагает социальной дифференциации, а всего лишь возможное увеличение количества рядоположенных сегментов, все еще изолированных друг от друга, хотя и организованных определенным образом между собой. Материальная плотность – это число индивидов на данной площади, определяющее потенциальную возможность межличностных контактов. Наконец, моральная плотность определяет интенсивность коммуникации и обменов между индивидами, а, следовательно, и формы кооперации между индивидами, выполняющими в обществе разнообразные роли и функции [8, с. 325-326]. Э. Дюркгейм приходит к выводу, что дифференциация, отличительный феномен современных обществ (начиная с индустриальной эпохи), служит созидательным условием личной свободы индивида.

Таким образом, в концепции Э. Дюркгейма определяется преобладающий на разных этапах развития общества тип социальных связей. Очевидно, что механическая солидарность представляет собой такой тип социальной интеграции, которая обусловлена сильными внутригрупповыми связями, воспроизводство которых обеспечивают прежде всего традиции. В обществе с органической солидарностью преобладают более слабые связи, возникающие в результате межличностных коммуникаций свободных индивидов. На этом основании мы можем сделать вывод, что возникновение социальных сетей в строгом смысле этого понятия стало возможным и необходимым как форма кооперации лишь в современном обществе. Формирование социальных сетей представляет собой процесс самоорганизации социальной системы, стихийной интеграции интересов социальных субъектов.

Анализ категории "социальная сеть" и производных от нее понятий позволил нам уточнить ее социологическую интерпретацию, выявить социальную природу данного феномена.

Понятие "социальная сеть" мы определяем как особую форму социальной организации (интеграции), возникающей спонтанно в результате установления как сильных (внутригрупповых), так и слабых (межгрупповых) горизонтальных (т.е. не определяемых формальным статусом) связей в процессе неформальных (неинституциональных) взаимодействий между социальными субъектами (актерами) по поводу накопления, распределения и использования специфических сетевых ресурсов – социального капитала.

На наш взгляд, доминирование сильных связей является фактором локализации, в то время как слабые связи способствуют сетевизации и глобализации социальной структуры. Поэтому основным отличием сетевой структуры от других форм социальной организации является связанность автономных групп (локальных сетей), их диффузность, гибкость, адаптивность. Главную роль в таких взаимодействиях играет доверие, общие ценности и нормы. Важно также различать сетевые структуры и иерархические, которые могут взаимодействовать между собой, дополнять друг друга или функционировать как альтернативные формы социальной интеграции, однако их природа, характер связей, причины возникновения и механизмы развития различны.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: учебное пособие [Электронный ресурс] / Г. В. Градосельская. – М. : Новый учебник, 2004. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru>; 2. Прохоров А. Социальные сети и Интернет [Электронный ресурс] / Александр Прохоров // КомпьютерПресс. – 2006. – № 10. – Режим доступа: <http://www.cpress.ru>; 3. Чураков А. М. Анализ социальных сетей [Текст] / А. М. Чураков // Социол. исслед. – 2001. – № 1. – С. 109 – 121; 4. Градосельская Г. В. Анализ социальных сетей [Текст]: Автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Г. В. Градосельская; Институт социологии Российской академии наук. – М, 2001. – 21 с.; 5. Динелло Н. От плана к клану: социальные сети и гражданское общество [Электронный ресурс] / Н. Динелло // Международный журнал "Программные продукты и системы" – Режим доступа: <http://www.prof.msu.ru>; 6. Алексеенкова Е.С. Когнитивные механизмы интеграции социальных сетей [Текст] / Е.С. Алексеенкова // Полис. - 2007. - № 3. - С. 92-114; 7. Granovetter M. The Strength of Weak Ties [Text] / M. Granovetter // American Journal of Sociology. – 1973. – Vol. 78. – No 6. – P. 1360– 1380; 8. Арон П. Этапы развития социологической мысли [Текст] / Раймон Арон ; Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. – М. : Издательская группа "Прогресс" – "Политика", 1992. – 608 с.